

Attempt to Eliminate Cyrillic Writing in the USSR in 1920s – 1930s: Politics and Practice

F. L. Sinitsyn¹

¹State University of Land Use Management, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-36-45

Research article
Full text in Russian

The idea of ‘the desirability of introducing a Latin writing for all nationalities inhabiting the territory of the Republic’ arose in the power circles of the RSFSR back in 1919. The target for ‘Latinizers’ were, among others, the Cyrillic alphabets used in the country. The intentions of the ‘Latinizers’ were based on the general attitudes of the ‘hyperinternationalist’ policy of the first decade of Soviet power. At the same time, the argument for why the Cyrillic alphabet should be changed to the Latin alphabet was weak. The practice of Latinization of the written language of different peoples had similar and special features. Despite the statements of the ‘Latinizers’ about the ‘universal support’ for Latinization, resistance to this initiative was revealed among the public and even government structures. The main and decisive factor of resistance was the harsh negative reaction of the USSR leadership to the activities of Romanization of the Russian alphabet. Despite all the efforts of the ‘Latinizers’, many peoples who used the Cyrillic alphabet did not switch to the Latin alphabet. The refusal to latinize the Russian alphabet became a ‘trigger’ for the abolition of Latinization on an all-Union scale.

Keywords: alphabet; writing; language; Cyrillic; latin alphabet; reform; ethnic policy; USSR

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sinitsyn, Fedor L. | E-mail: permcavt@gmail.com
D. Sc. (History), Associate Professor

Попытка ликвидации кириллической письменности в СССР в 1920-е – 1930-е гг.: политика и практика

Ф. Л. СИНИЦЫН¹

¹Государственный университет по землеустройству, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-36-45
УДК 94(47) 084 6

Научная статья
Полный текст на русском языке

Идея о «желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики», возникла во властных кругах РСФСР еще в 1919 г. Мишенью для «латинизаторов» стали в том числе использовавшиеся в стране алфавиты на кириллической основе. Намерения «латинизаторов» базировались на общих установках «гиперинтернационалистической» политики первого десятилетия советской власти. При этом аргументация того, почему кириллицу следует поменять на латиницу, была слабой. Практика латинизации письменности разных народов имела схожие и особенные черты. Несмотря на утверждения «латинизаторов» о «всеобщей поддержке» латинизации, среди общественности и даже властных структур было выявлено сопротивление этой инициативе. Главным и решающим фактором сопротивления стала жесткая отрицательная реакция руководства СССР на деятельность по латинизации русского алфавита. Несмотря на все усилия «латинизаторов», многие народы, использовавшие кириллический алфавит, так и не перешли на латиницу. Отказ от латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены латинизации во всесоюзном масштабе.

Ключевые слова: алфавит; письменность; язык; кириллица; латиница; реформа; национальная политика; СССР

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Синицын, Фёдор Леонидович | E-mail: permcavt@gmail.com
| Доктор исторических наук, доцент

В 1920-х гг. в СССР была развернута программа перевода письменности на латинскую основу. Был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) и аналогичные структуры в регионах. Затронула эта деятельность и народы, которые уже имели собственную

письменность на основе русского (кириллического) алфавита. Отдельные аспекты советской политики и практики в этой сфере фрагментарно затронуты в ряде научных трудов. Однако до сих пор эта проблема не изучена в совокупности как единый процесс, не выявлены его общие и особенные черты в приложении к отдельным языкам.

Идея о «желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики», возникла во властных кругах РСФСР еще в 1919 г. [1, л. 2]. Таким образом, мишенью для «латинизаторов» стали в том числе использовавшиеся в стране алфавиты на кириллической основе – как созданные до революции (у русских, белорусов, украинцев, кряшен, осетин, удмуртов, якутов и многих других народов), так и после нее (например, «молодцовский» алфавит для языка коми).

Намерения «латинизаторов» базировались на общих установках «гиперинтернационалистической» политики первого десятилетия советской власти. Русский алфавит голословно заклеямили как «орудие русификации» и «религиозного миссионерства», «идеологически чуждый» [2, с. 210], «узконациональный» [3] (причем для каждого пользовавшегося им народа), не соответствующий «грандиозным задачам реконструкции и индустриализации СССР» [4, л. 57], «экономически не выгодный» [2, с. 37].

Общим обоснованием перевода на латиницу письменности народов, ранее пользовавшихся кириллическим алфавитом, были, во-первых, «имеющийся успешный опыт латинизации письменности» [5, с. 6] народов Советского Союза, ранее пользовавшихся арабской графикой. Во-вторых, «интернациональный фактор» – «латинизаторы» утверждали, что на латинице «пишут и читают 9/10 всего грамотного человечества» [6, с. 103]. В-третьих, была заявлена необходимость «унификации» алфавитов всех народов СССР [7, л. 63] на основе латиницы. В-четвертых, подсчитана и представлена как аргумент экономическая выгода от латинизации [8, л. 60]. Еще одним обоснованием курса на латинизацию была объявлена ее якобы «всеобщая поддержка» в народе [9, л. 68, 80].

В отношении русской письменности и письменности неславянских народов СССР имелись особенности в подходах. В отношении первой звучали доводы, что латинизация приведет к международному признанию русского языка в качестве мирового [7, л. 63, 66], включению Советского Союза в «международное научное общение» [9, л. 79]. Для неславянских народов обоснованием курса на латинизацию было утверждение о якобы отрицательном отношении этих народов к русскому языку и письменности [10, л. 121], а также о необходимости преодоления наследия дореволюционной «христианизации» [11, с. 7], «русификации» [12, л. 21] и «великодержавного шовинизма» [13, л. 2].

«Латинизаторы» утверждали, что у этих народов на самом деле и не было письменности, а были лишь ее «начатки» [14, л. 16] (что на самом деле было не так). Они считали, что проблем с переобучением на латиницу не возникнет, т. к. процент грамотных «не настолько велик, чтобы он мог приостановить переход на новый алфавит» [15, л. 1]: например, у калмыков «грамотность... на русифицированном [алфавите] к концу его пятилетнего существования» составила 4–5 % [16, с. 119], якуты «на 98 % неграмотны на русском языке» и поэтому якобы не имеют «основания предпочитать русский алфавит» [17, л. 41].

«Латинизаторам» были ясны и существенные трудности своего начинания. Прежде всего непросто было обосновать сам отказ от кириллицы и переход на латиницу, т. к. оба алфавита не имеют принципиальных отличий [18, с. 52] (показательно, что в 1920-х гг. жителям СССР, пользовавшимся арабской письменностью, и латинский, и русский алфавиты казались «одинаковыми» [19, с. 173]). Именно из-за этой трудности «латинизаторы» делали упор на экономию [9, л. 60] и «унификацию» всех советских (а затем – и мировых) алфавитов как на основную цель латинизации русской письменности [19, с. 142].

Сложности были связаны с тем, что в наличии имелось богатейшее наследие на русском языке, написанное и изданное в традициях кириллицы [20, л. 7об]. В Северной Осетии, по признанию «латинизаторов», трудностью была основательность доводов за «русифицированный алфавит», высказанных общественностью республики [6, с. 103]. Тем не менее «латинизаторы» были уверены, что проблемы вполне преодолимы.

Практика латинизации письменности разных народов имела общие черты, прежде всего – это стадийность. Внедрение или попытки внедрения латинского алфавита у большинства народов начались на рубеже 1920-х – 1930-х гг. В декабре 1928 г. президиум Ойротского облизполком принял решение ввести латинизированный алфавит у алтайцев [21, л. 167об]. В Якутии «новгородовский» алфавит на основе латиницы был официально принят правительством еще в 1924 г., однако общесоветский «новый алфавит» был введен только в марте 1929 г. [17, с. 46–47]. В ноябре 1929 г. по инициативе Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса РСФСР (Главнауки) была организована подкомиссия по разработке вопроса о латинизации русского алфавита под руководством лингвиста Н. Ф. Яковлева [8, л. 12]. В 1929–1930 гг. вступила в активную фазу деятельность по латинизации письменности алтайцев, калмыков, коми, коми-пермяков, удмуртов, хакасов. В 1930 г. научный комитет Молдавской АССР приступил к латинизации молдавского языка [22, с. 12].

Особенностью практики латинизации у финно-пермских народов было противостояние между сторонниками двух вариантов финно-пермской латинизации – «нового латинизированного алфавита», внедрением которого занимался ВЦКНА, и «яфетидологического» (или «аналитического») алфавита, разработанного академиком Н. Я. Марром. Наиболее острая борьба в этом отношении развернулась в Удмуртии в 1931–1932 гг. [23, с. 7] (в итоге «марристы» отступили). Проявился также еще один аспект противостояния среди «латинизаторов» – между сторонниками ориентации на Финляндию и финский язык [24, л. 5, 12]. В итоге этот подход был отвергнут и признана недопустимость «ориентации на культуру и письменность буржуазных стран – Финляндии, Эстонии, Венгрии» [25, л. 2об].

Особенностью ситуации у кряшен была проблема сопряжения латинизации с аналогичным процессом у татар. В январе 1928 г. было объявлено, что латинизация кряшенской и татарской письменности будет осуществляться параллельно [19, с. 130–131]. У осетин особенностью было наличие двух административно-территориальных единиц (Северной и Южной Осетии), что требовало согласования реформы письменности, орфографии и пр. [21, л. 179].

Несмотря на утверждения «латинизаторов» о «всеобщей поддержке» латинизации русской письменности, среди общественности было выявлено сопротивление этой инициативе [9, л. 68]. Уже в декабре 1919 г. Московская диалектологическая комиссия (председатель – Д. Н. Ушаков) и Московский лингвистический кружок (председатель – Р. О. Якобсон) в ответ на запрос Наркомата просвещения РСФСР о возможной латинизации русской письменности приняли резко негативную резолюцию, обоснованно отвергнув фактически все доводы «латинизаторов» [1, л. 1–1об]. В 1931 г. профессор Н. Н. Фатов прислал письмо в «Литературную газету», в котором заявил, что проект латинизации русской письменности является «объективно вредительским» [7, л. 6, 8].

Развернулось мощное сопротивление и против латинизации у других народов. Еще в 1924 г. на заседании лингвистов в Ленинграде под председательством В. В. Бартольда и Л. В. Щербы было объявлено, что «латинский алфавит в научном отношении не имеет каких-либо преимуществ перед русским в качестве базы общего для всех тюркских народов алфавита» [26, с. 102–103]. Татарский ученый и принципиальный противник латинизации Г. Ш. Шараф был уверен, что у якутов, чувашей и многих других народов «употребление <...> русского шрифта <...> является единственно возможным и приемлемым» [27, с. 1–2]. Введение латиницы встретило сопротивление в Якутии [17, с. 41–44], у финно-пермских

народов [28, с. 192], в Северной Осетии [29, с. 57, 98] и Молдавской АССР [22, с. 12].

Особенностью сопротивления латинизации у финно-пермских народов был прямой саботаж со стороны местных властей (и, разумеется, широкой общественности), в том числе в Коми-Пермяцком национальном округе [30, с. 81, 83–84] и Удмуртии [13, л. 35, 39об]. Из-за сопротивления и саботажа практика латинизации столкнулась с существенными трудностями, особенно у финно-пермских народов [31, л. 20], в Хакасии [32, л. 58] и других регионах.

Наконец, главным и решающим фактором сопротивления стала жесткая реакция руководства СССР на деятельность по латинизации русского алфавита. 26 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита». Такое «предложение» в условиях того времени следовало рассматривать как приказ. Однако деятельность «латинизаторов» не прекратилась – они фактически проигнорировали указание Политбюро ЦК ВКП(б). Тогда на эту деятельность со стороны властей последовала уже более жесткая реакция – 2 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, которое гласило: «Ввиду продолжающихся попыток “реформы” русского алфавита... создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства, ЦК ВКП(б) постановляет... воспретить всякую “реформу” и “дискуссию” о “реформе” русского алфавита» [33, с. 100–101].

Запрет латинизации русского алфавита стал «триггером» изменения ситуации не в пользу латинизации, т.к. ранее русская латинизация рассматривалась как отправная точка для аналогичного процесса у других народов СССР. Так, еще в 1921 г. при обсуждении латинизации сотрудник Минусинского уисполкома М. Райков высказывал мнение, что «нельзя предлагать сибирским инородцам... писать латинскими буквами до тех пор, пока... русские не перешли к латинской азбуке» [34, л. 5]. В 1930-х гг. в Чувашии среди специалистов по орфографии и терминологии бытовало мнение: «Не менять своего алфавита до тех пор, пока не встанет вопрос о замене алфавита в русском языке» [35, л. 9]. Г. Ш. Шараф полагал, что латинизация якутской письменности «могла бы увенчаться успехом только в случае принятия латинского шрифта и для русской письменности» [27, с. 2].

В целом к 1933 г. в СССР начался общий пересмотр национальной политики – власти решили вернуть русскому народу государствообразующую роль. Соответственно, вырос статус русского языка и русской письменности, которая отныне получила почетный титул «алфавита творений

Ленина и Сталина» [36, с. 88], а русская культура в целом – статус «единственной пролетарской социалистической культуры» [37, л. 7]. (Характерно, что в Осетии о таком значении русского языка и культуры говорили уже в 1920-х гг. [29, с. 57].) В стране был поднят вопрос о необходимости углубленного изучения русского языка и, соответственно, письменности в национальных школах [38, с. 14, 24].

Изменения в политике постепенно нарастали. Весной 1933 г. Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) дал «твердые указания Комитету по латинизации»: «Ни в коем случае не латинизировать алфавит тех народностей, которые [уже] применяют русскую письменность» [33, с. 102].

Мощным шагом для отказа от латинизации стало выступление главы Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М. О. Разумова на XVII съезде ВКП(б) 30 января 1934 г., который резко высказался против латинизации и за русский алфавит для народов Севера [39, с. 215]. Практически сразу же после этого вышли статьи, направленные против огульной латинизации, в центральных партийных органах – газете «Правда» и журнале «Большевик» [36, 40].

1 июня 1935 г. при обсуждении работы Комитета нового алфавита ЦИК СССР обратил внимание на серьезную ошибку, заключающуюся в латинизации письменности народов, ранее пользовавшихся русской графикой [41, с. 254–255].

Окончательно новый курс политики, который можно обозначить как «обратная кириллизация», обозначился в 1936 г., когда была развешена жесткая критика латинизации со стороны структур ЦК ВКП(б). Заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К. Я. Бауман сообщил А. А. Андрееву и Н. И. Ежову о вредности «искоренения русской основы в письменности тех народов, которые пользовались ею в течение десятилетий». В частности, речь шла о Коми и Удмуртии, где «насильственный перевод на латинский алфавит превратился прямо в издевательство над широкими массами населения». Бауман подчеркнул, что «латинизация проводилась вопреки действительным желаниям населения» [28, с. 192–194].

Была поставлена задача отмены латинизации и возврата письменности уже «латинизированных» народов к кириллице. Прежде всего, в 1936 г. был произведен отказ от проекта латинизации удмуртского и марийского алфавитов. В сентябре 1936 г. ЦИК СССР утвердил переход коми языка на русский алфавит [42, л. 12, 14]. В 1937–1938 гг. была отменена латинизация алтайской, шорской [43, л. 22], коми-пермяцкой [44, л. 53], осетинской [45, л. 1], якутской письменности [28, с. 448]. В результате в СССР была переведена на кириллицу практически вся письменность – к марту

1939 г. Институт языка и письменности народов СССР разработал алфавиты и орфографию на основе русской графики для 33 языков [46, л. 4].

Таким образом, несмотря на все усилия «латинизаторов», многие народы, использовавшие кириллический алфавит, так и не перешли на латиницу, прежде всего это русские, украинцы и белорусы. У первых латинизация осталась только как узкий «эксперимент», у украинцев и белорусов – вообще не сдвинулась (несмотря на то что в мае – июне 1927 г. 20 (из 75) участников всеукраинской конференции в Харькове поддержали предложение по переводу украинской письменности на латиницу [47, с. 317]). Официально сохранили кириллический алфавит также марийцы, мордва, удмурты и чуваша. На относительно небольшой срок перешли на латиницу якуты, коми, коми-пермяки, осетины и тверские карелы. В Карелии язык титульного этноса фактически был предан забвению за счет введения финского, а не карельского языка в качестве официального.

В целом аргументация того, почему кириллицу следует поменять на латиницу, была слабой, в связи с отсутствием принципиальных отличий между кириллицей и латиницей, а также наличием в кириллице большего числа букв, включая специально придуманные для русского языка. Отказ от латинизации русского алфавита стал «триггером» для отмены латинизации письменности народов Севера, затем – угро-финских языков Поволжья и Урала и, наконец, практически всех остальных. Так на практике ярко проявилась роль русского языка как «государствообразующего». В современной России русский язык законодательно объявлен государственным, введена правовая норма, согласно которой алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы.

Ссылки

1. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 197. Оп. 1. Д. 13.
2. Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: ВЦКНТА, 1930. 227 с.
3. Литературная газета. 1930. 13 янв. С. 2.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 15. Д. 4.
5. Единый северный алфавит (проект). Хабаровск: Дальневосточное общество краеведения, 1930. 12 с.
6. Культура и письменность Востока. Кн. I. Баку: ВЦКНТА, 1928. 139 с.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 15. Д. 5.
8. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 14. Д. 81.
9. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 358. Оп. 2. Д. 189.
10. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 155.
11. К вопросу о реформе удмуртского письма: сб. ст. Ижевск: Удкнига, 1931. 59 с.
12. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 169.
13. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 352.
14. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 977.
15. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1008.
16. Алфавит Октября: Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР: сб. ст. М.; Л.: ВЦКНА, 1934. 165 с.
17. Революция и письменность. 1932. № 3. 160 с.
18. Алпатов В. М. Факторы, влияющие на выбор системы письма // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 2. С. 51–53.
19. Мударисова А. К. Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань: Б. и., 2001. 216 с.
20. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 125.
21. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 43.
22. Ковальски С. В., Антоць А. М. Коммунистическая «латинизация» молдавского языка (1925–1938 гг.) // Science Time. 2021. № 2. С. 10–14.
23. Революция и письменность. 1932. № 1–2. 174 с.
24. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1239.
25. РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 351.
26. Боровков А. К. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР // Советское востоковедение. 1956. № 4. С. 101–110.
27. Шараф Г. К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта. Казань: Б. и., 1926. 64 с.
28. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945 / сост.: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.
29. Алборов Б. А. История осетинских письмен. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения, 1929. 99 с.

30. Каменских М. С. Язык и языковая политика у коми-пермяков в 1920–1930-е гг. // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 4. С. 76–90. DOI 10.46539/jfs.v6i4.335.
31. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 334.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 2392.
33. Проблемы «латинизации русского алфавита» / публ. В. Денисова // Источники. 1994. № 5. С. 99–106.
34. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1230.
35. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1150.
36. Орлицкий Д. Национал-демократизм в вопросах языка и письменности // Большевик. 1934. № 6. С. 81–96.
37. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 57.
38. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2437. Л. 14, 24.
39. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г.: стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
40. Ровинский Л. Об одной национал-демократической концепции // Правда. 1934. 17 февр. С. 3.
41. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М.: Наука, 1979. 351 с.
42. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 839.
43. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 36. Д. 176.
44. СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 240.
45. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 2494.
46. АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 3.
47. Остапчук О. А. Планирование корпуса как часть украинского языкового строительства в 1920–1930-е годы // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 315–333.